

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-250-266>
<https://elibrary.ru/EOVYZP>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.111.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. *Г.А. Велигорский*

«Возрождаем век Астреи золотой!»: к истории английских усадебных огородов (XIX–XXI вв.)¹

Аннотация: В статье в диахроническом ключе прослежена история английского понятия “allotment” (огород): от первого употребления этого слова в литературе (конец XVII столетия) и возникновения в начале XIX в. огородов как таковых («коллективных садов» социалистических проектов Фергюса О’Коннера и Уильяма Корбета) с их ролью в восстановлении страны после аграрного кризиса и «голодных сороковых» — к формированию понятия «огород», осмыслению его британскими юристами и философами во второй половине XIX в., — через викторианскую эпоху (огородный «бум» конца XIX столетия, отраженный в творчестве многих авторов: эссеистике Ричарда Джеффриса (1870–1880-е гг.) и Кеннета Грэма (1890-е гг.), «Балладе о тридцати шиллингах» (1891) Джона Дэвидсона, романе Томаса Харди «Тэсс из рода Д’Эрбервиллей» (1891), повести Артура Мэкена «Осколок бытия» (1903) и проч.), — к «огородному возрождению» 1930-х гг., «садам победы» (“victory gardens”) времен Второй мировой войны (1940-х гг.) и сохраняющейся и до наших дней популярности огородничества, находящей отражение в тематических радиопередачах, телесериалах и проч.

Ключевые слова: усадьба, «усадебный текст», огород, «гршовый садик», «полевые сады», «сады победы».

Информация об авторе: Георгий Александрович Велигорский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

Для цитирования: *Велигорский Г.А.* «Возрождаем век Астреи золотой!»: к истории английских усадебных огородов (XIX–XXI вв.) // Усадьба и дача в лите-

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

ратуре советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 250–266. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-250-266>

© 2024. George A. Veligorsky

*“Winning Back Astraea’s Golden Age!”:
on the History of English Estate Allotments
(19th – 21st Centuries)²*

Abstract: The article diachronically traces the history of the English concept “allotment”: from the first use of this word in literature (the end of the 17th century), from the emergence of allotments as such at the beginning of the 19th century (“collective gardens” of the socialist projects of Fergus O’Conner and William Corbet) and their role in the country resurgence after the agrarian crisis and the “hungry forties”; to the formation of the concept of “allotment”, its understanding by British lawyers and philosophers; through the Victorian era (the gardening “boom” of the late 19th century, reflected in the work of many authors: the essays by Richard Jefferies (1870–1880s) and Kenneth Grahame (1890s), in the ballad “Thirty Bob a Week” (1891) by John Davidson, in Thomas Hardy’s novel “Tess of D’Urbervilles” (1891), in Arthur Macken’s story “A Fragment of Life” (1903), etc.) — and to the “garden revival” of the 1930s, the “victory gardens” of the Second World War (1940s) and the continuing popularity of gardening to this day, which is reflected in thematic radio programs, television series, etc.

Keywords: Estate, “Estate Text”, Allotment Garden, “Guinea Garden”, “Field Gardens”, “Victory Gardens”.

Information about the author: George A. Veligorsky — PhD in Philology, Senior Research Fellow, Scientific Laboratory “Rossica: Russian Literature in the World Cultural Context”, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

For citation: Veligorsky, G.A. ““Winning Back Astraea’s Golden Age!”: On the History of English Estate Allotments (19th – 21st Centuries).” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 250–266. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-250-266>

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Подобно многим другим локусам, являющимся неотъемлемой частью усадебного мира — саду и парковому ансамблю, рыбному пруду, фигурным клумбам, куртинам и кустарникам, тенистым аллеям, извилистым дорожкам, — немаловажную роль в этом пространстве издревле играет огород. Однако роль эта — не только экономическая или социальная (в контексте «работодатель, владеющий огородом» — «работник, нанятый для работы на нем»), но и творческая, и зиждительная, и даже духовная. Будет уместно сказать (вспоминая слова Маргарет Шлегель из романа «Говардз-Энд», 1910), что если усадебный дом — это не только кирпичи и известка, то и огород — это не только земельный участок, разделенный на грядки, а плоды его — не только зелень и овощи, отвозимые на ярмарки или подаваемые к помещицкому столу. Усадебный огород имеет множество метафорических коннотаций: ведь это и возделываемая, — а следовательно, подчиняемая владельцу земля; и пространство сотворчества, со-работничества человека с природой; это райский сад в миниатюре — и в то же время его противоположность: ведь огород, в отличие от такого сада, требует от человека труда и работы «в поте лица своего». Все это целокупно создает сложный образ, который занимает важную нишу в британской «усадебной культуре» XIX–XXI вв.

В отечественном литературоведении феномен русского усадебного огорода изучался неоднократно — главным образом в историческом и культурологическом ключе³, однако историю огорода европейского (в частности, английского) русскоязычные исследователи практически обходят стороной. На западе огородам посвящена обширная исследовательская литература, но ученые опять-таки фокусируются главным образом на экономическом и социальном субстрате⁴, не затрагивая огороды литературные. Отсутствие интереса к последним порождает большую литературоведческую лауну. Ведь английские (как и европейские, и русские) усадебные огороды имеют свою, *sui generis*, метафорическую окраску, а в литературе, посвященной им, развиваются индивидуальные

³ См.: *Рассказова Л.В.* Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен: на примере усадеб Пензенского края: дис. ... канд. культуролог. наук. Н. Новгород, 1999. 262 с.; *Шуваева Е.Ю.* Формирование загородной усадебной застройки XVIII – начала XX в.: на примере Гатчинского района Ленинградской обл. // Вестник Белгородский гос. технологический ун-т им. В.Г. Шухова. 2019. № 12. С. 85–93.

⁴ См.: *Burchardt J.* The Allotment Movement in England, 1793–1873. Martlesham: Boydell Press, 2002. 287 p.; *Nilsen M.* The Working Man's Green Space: Allotment Gardens in England, France, and Germany, 1870–1919. Charlottesville (VA): University of Virginia Press Publ., 2014. 248 p.

коннотации: связь огорода с идеей бренности человека, с процессом смерти-возрождения, с апокалипсическими мотивами, а также огород как антипод райского сада.

В нашей статье речь пойдет не о крупных фермерских хозяйствах, существовавших в Англии с древнейших, еще кельтских, времен, но о небольших огородах в частном владении, которые в наши дни называют чаще всего словом “allotment”. Упомянутое понятие сравнительно поздно проникает в английский язык. Согласно Оксфордскому словарю, термин “allotment” был впервые употреблен в конце XVII столетия. Для сравнения: русское слово «огород» — как производное от «гордь», обозначающего «забор», «ограда» — встречается еще в летописях XIII в., когда работа на усадебных огородах становится закономерной «альтернативой» полевых работ в связи с развитием городской застройки⁵.

Изначально словом “allotment” обозначался «участок земли, закрепленный за неким лицом или предназначенный для конкретной цели»⁶ — нечто близкое к русскому понятию «надел». Впервые в таком значении мы встречаем это слово в книге шведского гуманиста Иоганна Шеффера (1621–1679) «Лапландия» (“Lapponia”; 1673), написанной на латыни и переведенной в 1674 г. на английский язык под заглавием “The History of Lapland”, т. е. «История Лапландии». Автор подробно пишет о том, как устроено хозяйство у местных жителей, и, в частности, отмечает: «У финнов <...> есть особые наделы земли, или огороды (division or allotment), именуемые “лаппио”»⁷. Что интересно, Шеффер никак не разграничивает разные сельскохозяйственные пространства (выпас, огород, скотный двор и проч.), называя их все “allotment” и отмечая, что «огород даден людям для содержания себя самих, а равно и скотины оных»⁸.

Если же говорить об огородах как таковых (а не только об обозначающем их понятии), то временем их появления принято считать конец XVIII в. Как и в России, их возникновение в Англии было связано с масштабной городской застройкой, а кроме того — с индустриализацией

⁵ См.: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.: Фонд археологии, 1997. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. С. 228.

⁶ Oxford English Dictionary, сл. ст. “allotment”, n. 1.

⁷ The History of Lapland: Wherein are Shewed the Original, Manners, Habits, Marriages, Conjurations, & c. of that People / written by J. Scheffer, Professor of Law and Rhetoric at Upsal in Sweden. Oxford: [s. n.], 1674. P. 15. (Здесь и далее в тексте статьи пер. с англ. мой. — Г.В.).

⁸ Ibid. P. 11.

и развитием фабричного дела. Сама по себе идея огорода — небольшого участка земли, отдаваемого частным владельцам для выращивания овощных и плодовых культур — принадлежала помещику сэру Томасу Эскриту: он сдал часть своей земли крестьянам, позволив разделить ее на небольшие наделы, дабы «работники могли сами себя кормить»⁹. Впоследствии эту инициативу переняли и другие землевладельцы, мелкопоместные дворяне, а также фабриканты и промышленники. Пример такого «мудрого фабриканта», предприимчивого мистера Траффорда, будет явлен Бенджамином Дизраэли в романе «Сибилла, или Две нации» (“*Sybil; or The Two Nations*”, 1845). Еще одним прообразом современного огорода можно считать «грошовые садики» (“*guinea gardens*”, букв. «садик за гинею»¹⁰), появившиеся в 1790-х гг. в предместьях фабричного города Бирмингема¹¹.

Идея огородов-allotment — небольших участков, предоставляемых работникам на даровых правах или внаем, — показалась современникам весьма перспективной и весьма быстро прижилась. В первой половине XIX в. в целом ряде английских графств в сельской местности возникают «коллективные сады» (так называемые “*leisure gardens*”, букв. «сады отдохновения»). Роль их была двоякой: учредители писали, что эти «сады» предназначены для развлечения тружеников, где они могли выращивать цветы; но в то же время “*leisure gardens*” были важной частью городской или пригородной инфраструктуры, играли и экономическую роль и, безусловно, приносили владельцам прибыль, а выращенные на грядках душистые травы и овощи подавались к хозяйскому столу¹².

Как видим, в начале XIX столетия огороды пока еще были чем-то вроде «забавы», «хобби», способа «окультурить» крестьянина или фабричного рабочего и позволить ему получить небольшую прибавку к окладу. Однако в последующие десятилетия вопрос о «насаждении» огородов встал намного острее; к 1830-м гг. необходимость их введения была уже социально-политической. На юге и на востоке Англии бастовали сельскохозяйственные труженики: из-за внедрения молотилок, технического «ноу-хау» тех лет, многие из них оставались без работы

⁹ *Wiles M. The Gardens of the British Working Class. New Haven; L.: Yale University Press, 2014. P. 56.*

¹⁰ Английская гинея — монета довольно крупная, но применительно к саду и вообще к хозяйству — несообразно малая; в описываемые времена столько получал хороший сельский работник за неделю усердного труда.

¹¹ См.: *Wiles M. The Gardens of the British Working Class. P. 58–59.*

¹² См.: *Ibid. P. 59.*

и, как следствие, без средств к существованию. Нечто подобное происходило в начале столетия, когда работы лишились профессиональные ткачи, что обернулось «войной против машин» и жестокими бунтами во многих областях Йоркшира. Начались погромы и грабежи; в ночи полыхали помещичьи стога и амбары, подожженные факелом «капитана Свинга» (Captain Swing) — так бунтари называли своего метафорического главаря; сельское общество жило, словно на пороховой бочке (в образе которой карикатуристы нередко изображали бравого капитана).

Илл. 15. Неизвестный художник. Капитан Свинг. 1830.
Британский музей

Не лучше обстояло дело и в фабричных городах, где процветало пьянство; получив ежедневную выплату, труженик, не знающий, чем заняться на досуге, направлялся в кабак, где оставлял почти весь свой заработок. Молодые люди уходили с заводов и фабрик, ища работу в иных сферах (именно так поступают девицы Каролина и Генриетта, второстепенные персонажи романа «Сибилла»). Главным средством борьбы с пьянством, бездельем и растущей безнравственностью стали опять-таки английские огороды.

Попыткой решить проблему и закрепить роль огородов на официальном уровне стали три закона о всеобщем огораживании (1836, 1840, 1845). Последний из них обязывал землевладельцев в числе прочего обеспечивать безземельную бедноту, выделяя для ее представителей вышеупомянутые «полевые сады»; каждый подобный садик не должен был превышать четверти акра (2, 5 сотки) на человека. От та-

кого «дробления» земли помещик должен был только выиграть: ведь, разделяя участок в 100 акров на наделы по пол-акра каждый, он получал «две сотни нанимателей вместо одного»¹³. Несмотря на то что из 615 тыс. акров огороженной земли для названной цели было выделено всего 2,2 тыс., этот процесс можно считать зарождением английского огорода¹⁴.

Что характерно, в описываемые времена еще не существовало жесткого разграничения между понятиями «огород» и «сад». Первоначально огороды именовались «садовые участки» (“garden allotment”) или «полевые сады» (“garden fields”). Подобные наделы, как уже отмечалось выше, появлялись вблизи крупных фабричных городов; при больших городах проводились сельскохозяйственные ярмарки, аграрные конкурсы, существующие и доныне. Участие в таком конкурсе становится важной вехой в становлении Марты, героини романа Дж. Барнса «Англия, Англия» (“England, England”, 1998), а каталог выставки, который героиня хранит — залогом возрождения погибшего усадебного мира¹⁵.

Идею огородов поддерживали не только прогрессивные землевладельцы, помещики и фабриканты, но и ранние английские социалисты. Среди них был известен Фергюс О’Коннер (1796–1855), создатель «Чартистского земельного плана» (“Chartist Cooperative Land Company”, 1845) — проекта, согласно которому всякий желающий мог получить участок земли фиксированного размера по подписке; в 1851 г. этот проект после долгих дебатов был отклонен Парламентом. Обрели популярность также идеи Уильяма Коббета (1763–1835), в частности план аграрной утопии для рабочего класса, которая должна была стать альтернативой дворянскому землевладению.

Наконец, определенную роль сыграл и Акт о реформе (Reform Act, 1832) — одним из его итогов стало постановление: всякий, кто приобрел в земельную собственность участок с рентой не менее 40 шиллингов в год, получал право голоса. В связи с этим возникли многочисленные общества «земельных фригольдеров», ведавших делением и продажей таких участков. К началу 1850-х гг. в Англии насчитывалось по меньшей

¹³ *Caudwell Chr.* Studies in a Dying Culture. N. Y.; L.: Monthly Review Press, 1971. P. 89.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Burchardt J.* The Allotment Movement in England, 1793–1873. Martlesham: Boydell Press, 2002. P. 128.

¹⁵ См.: *Велигорский Г.А.* «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI в.: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 136–137.

мере 180 подобных сообществ (одно из самых известных, основанное в 1847 г., находилось близ упоминавшегося уже Бирмингема)¹⁶.

Огородный «бум» 1840-х гг. стал немаловажной вехой в экономическом становлении страны; он пришелся на начало периода, который в современной историографии известен как «викторианское благоденствие». Огородничество как социокультурный феномен повлекло за собой снижение уровня преступности, «способствовало привычкам к трезвости и трудолюбию, вело к общему улучшению нравственности»¹⁷. Этот мотив находит отражение в современной литературе — ср. у Б. Дизраэли в романе «Сибилла» описание поселка фабриканта Траффорда:

В целом селении не было ни одного безнравственного человека. Мужчины были хорошо одеты, женщины — румяны; и пьянстве здесь даже не ведали — и моральные устои представительниц прекрасного пола были соответственно высоки¹⁸.

В 1840-е гг. образ огорода впервые проникает в литературу, главным образом в бытовую и производственный роман; здесь огороды поэтизируются, изображаются как романтическое или даже экзотическое пространство, проникнутое волшебством:

Время от времени ветер усиливался, и тогда душистый горошек что-то бормотал во сне, а розы шелестели, словно опасаясь, как бы кто не потревожил их чуткую дрему¹⁹.

Все это способствовало популяризации огородничества и стало его своеобразной «рекламой».

В конце XIX в. огород впервые оказался осмыслен в правовом контексте. В 1886 г. барристер²⁰ Теодор Холл пишет о понятии “allotment” в юридическом ключе и дает ему такое определение:

¹⁶ См.: *Burchardt J. The Allotment Movement in England, 1793–1873.* Martlesham: Boydell Press, 2002. P. 130.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *Дизраэли Б. Сибилла, или Две нации.* М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 198.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Одна из категорий адвокатов в Великобритании и странах Содружества наций, младший юрист, ведущий судебные дела.

Небольшой участок земли, отданный человеку, дабы он мог его возделывать для обеспечения себя, но не вместо основного заработка²¹.

Иначе говоря, огородничество на тот момент воспринималось (как и в начале XIX в.) как полезное хобби, способное в то же время финансово поддержать и развлечь труженика. Когда огород становился достаточно большим, чтобы обеспечивать владельцу стабильный заработок, он начинал, по Холлу, именоваться “small holding” («малым владением»), а его хозяин автоматически становится фермером. Холл также отмечает, что огород вовсе не обязательно прилегает к домовладению: некоторые из них, отмечает он, могут отстоять «на три мили от места жительства работников»²². В этой же статье высказываются идеи, сформировавшиеся тогда на официальном уровне: «...крайне желательно, чтобы у каждого сельского работника был свой собственный сад (garden), приуроченный к деревенскому дому, где он мог бы выращивать овощи»²³.

Популярность огородов стремительно возрастает. К концу века их количество в частном владении увеличивается почти в пять раз против середины столетия (в 1845 г. их насчитывалось 100 тыс., в 1895 г. — 483 тыс.). Способствовал тому и принятый в 1887 г. «закон об огородах» (Allotment act), обязывавший местные власти выделять землю под огород по запросу от труженика (ср. советское постановление о «шести сотках», принятое в 1949 г.). Популярность огородов была столь велика, что начала высмеиваться в юмористике. Шотландский писатель Кеннет Грэм (1859–1932) иронизировал по этому поводу в эссе “Deus Terminus”²⁴ (1893), рассуждая о «сильных сторонах» «нового века» и иронично призывая современников не сетовать на него: «...есть у нас и огороды, что позволяют нам возвратиться (“win back”, букв. «отыграться») [золотой век] Астреи»²⁵.

К теме огорода обращались и авторы-руралисты (от *англ.* ruralist — «деревенщик»), видевшие экономический, социальный и духовный путь страны в возрождении английской деревни. Важнейшей фигурой среди них был популярнейший эссеист и журналист Ричард Джеффрис (1848–1887). Огород, в понимании Джеффриса, сближает человека с при-

²¹ *Hall Th.H.* The Law of Allotments: Being a Treatise on the Law Relating to the Allotment of Land for the Labouring Poor. With the Statutes and Notes and a Collection of Forms and Precedents. L.: Longman’s, Green & Co, 1886. P. 2.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.* P. 3.

²⁴ «Бог Терм» (*лат.*).

²⁵ *Grahame K.* Pagan Papers. L.: Elkin & Matthews: John Lane; Chicago: Stone & Kimball, 1894. P. 54.

родой, дает ему ощутить трансцендентальную близость с землей, свою неразрывность со Вселенной; огородник, возделывающий свой участок «в поте лица», противопоставляется им классическому потребителю.

Впервые эти идеи Джеффрис развивает в эссе «Об огородах» (“On Allotment Gardens”), напечатанном в журнале “The New Quarterly Review” («Новое ежеквартальное обозрение») в апреле 1875 г. В этом тексте, продолжающем серию «аграрных» эссе Джеффриса — «Будущее фермерского дела» (“The Future of Farming”, 1873), «О работах в Суиндоне» (“The Works at Swindon”, 1873), «Хибара Джона Смита» (“John Smith’s Shanty”, 1874), — автор приветственно пишет об огородах (allotments), которые можно увидеть не только близ деревенских участков, но и на окраинах небольших городов; он же одним из первых разграничивает понятия «огород» и «сад», отмечая, что в первом из них «не увидишь ни цветов, ни фруктовых деревьев»²⁶. Эссеист рассуждает о пользе огородов, о все крепнущей их роли в жизни Англии, причем не только экономической, но и социальной. По замечанию биографа У. Безанта, Джеффрис одним из первых пришел к выводу: «...если дать рабочему человеку надел, он перестанет мечтать о разделе всей земли между всеми»²⁷. (Джеффрис, как известно, был противником радикального социализма.)

В то же время для Джеффриса-философа огород — общедоступный способ духовного становления человека. Он рассуждает об “allotment” как о саде (garden), доступном каждому, даже «тем, кому едва хватит земли, чтобы вырастить несколько картофелин», и «чей надел состоит из жалкого клочка земли, отделенного от дороги хлипким забором»²⁸. Здесь же он вводит характерную параллель: «Если участки земли рядом с владениями можно отдавать под кладбища, неясно, отчего они не могут стать и системой садов [и огородов]»²⁹. Таким образом, огород становится для Джеффриса символом новой жизни, перерождения; эта мысль созвучна идеям из «духовной автобиографии» Джеффриса «Повесть сердца моего» (“Story of My Heart”, 1883), оказавшей, в свою очередь, существенное влияние на духовную эволюцию М.М. Пришвина³⁰.

Похвала огородам содержится и в позднейших, уже художественных произведениях Р. Джеффриса, например в цикле очерков «В гостях

²⁶ *Jefferies R.* On Allotment Gardens // *The New Quarterly Review*. April-July 1875. Vol. IV. P. 1.

²⁷ *Besant W.* The Eulogy of Richard Jefferies. L.: Chatto & Windus, 1888. P. 116.

²⁸ *Jefferies R.* On Allotment Gardens. P. 7.

²⁹ *Ibid.* P. 30.

³⁰ См.: *Гришина Я.З.* Комментарии // *Пришвин М.М.* Дневники. 1942–1943. М.: РОССПЭН, 2012. С. 712–713.

у лесничего) (“Gamekeeper at Home”, 1880), где отмечается неожиданный плюс огорода для охотников: выращиваемые там овощи приманивают «практически все известные виды мелкой дичи»³¹. Важную роль играет огород и в бытовом романе Джеффриса «Амариллис на ярмарке» (“Amaryllis at the Fair”, 1887): уход за растениями становится любимым занятием, а общность с землей — важнейшей особенностью в характере отца героини, мистера Идена.

На рубеже XIX–XX вв. огород все прочнее укореняется в усадебной литературе. Как локус он становится важной частью “Suburbia” — английского пригорода, средоточия небольших домиков, каждый из которых может восприниматься как небольшая «усадебка»³². Помимо традиционной зеленой беседки, небольшого палисадника, площадки для игры в шары, рядом с такими домами появляются небольшие огородики, где растут не только душистые травы, но также огурцы, бобы, морковь, лук-порей и другие овощи. Обустройством подобного огорода усердно занят мистер Путер, персонаж знаменитейшей повести «Дневник незначительного лица» (“The Diary of a Nobody”, 1892), одного из ранних текстов о жизни в “Suburbia”. В 1890-е гг. появляются журналы для огородников, к примеру “The Gardener’s Chronicle” («Хроники садовода»), “The Garden” («Сад») и др.; возникают многочисленные клубы по интересам, магазины садового инвентаря — и даже особая модная одежда для работы на грядках; этот мотив обыгрывается в повести Артура Мэкена (1863–1947) «Осколок бытия» (“A Fragment of Life”, 1904) в описании почти щегольского костюма мистера Уилсона:

На нем была соломенная шляпа с приятного вида вуалью, прикрывавшей сзади его шею, тужурка с широким поясом и штаны на лямках, окрашенные в самые разные оттенки болотного цвета³³.

В то же время в английской литературе образ “allotment” начинает приобретать многочисленные библейские коннотации. Если всякий усадебный сад становится, почти *a priori*, подобием сада библейского³⁴, то

³¹ Jefferies R. Gamekeeper at Home: Sketches of Natural History and Rural Life. Boston: Smith & Elder, 1879. P. 36.

³² См.: Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI в.: монография. С. 258–270.

³³ Machen A. A Fragment of Life (1904) // Machen A. The House of Souls. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1922. P. 8.

³⁴ Подробнее об этом см.: Соколов М.Н. Принцип рая: главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-традиция, 2011. С. 198.

огород, в свою очередь, оказывается грубым аналогом, а порой и антиподом последнего, так как неизменно ассоциируется с тяжелым трудом и нуждается в постоянном возделывании; ср. библейское: «И выслал его [Адама] Господь Бог из сада Едемского, чтобы *возделывать землю*, из которой он взят (Курсив мой. — *Г.В.*)» (Быт. 3: 23). Этот мотив обыгрывается многими викторианскими авторами, рассматривавшими огороды как символ тяжелой работы, оторванности человека от Бога, нищеты, проклятия и едва ли не первородного греха.

В подобном ключе к образу огорода обращается Томас Харди (1840–1928) в романе «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» (“*Tess of the D’Urbervilles*”, 1891). По сюжету главная героиня, девушка из крестьянской семьи, еще до своего «падения» возделывает участок земли (allotment), арендованный «ярдах в двухстах от деревни», оставляя отцу заниматься садом. Харди подробно описывает практику того, как именно ведется эта работа:

...участок находился на высоком, сухом, огороженном месте (open enclosure), по соседству с другими сорока или пятьюдесятью участками. И когда кончался рабочий день батраков, здесь закипала работа. Обычно вскапывать землю начинали в шесть часов вечера, и работа затягивалась до ночи, а иногда продолжалась и в лунном свете³⁵.

Возникает у романиста и горькая метафорика, когда он, упоминая о кончине младенца, ребенка Тэсс, пишет, что его похоронили «в жалком уголке Божьего огорода» (“*shabby corner of God’s allotment*”), «где с Божьего соизволения растет крапива» и где хоронят всех тех, «чьи души обречены на гибель»³⁶. Здесь автор переосмысливает мифологему Божьего сада и развивает параллель между огородом и кладбищем, намеченную в творчестве Р. Джеффриса.

В более фатальном, апокалипсическом ключе воспринимается огород в «литературе клерков» (“*clerk literature*”), для которой в целом характерно мрачное видение мира и эсхатологические мотивы. Одну из таких трактовок встречаем в словах безымянного служащего, героя «Баллады о тридцати шиллингах» (“*Thirty Bob a Week*”, 1891) Джона Дэвидсона (1857–1909): сравнивая себя с «зубатым» (в значении: хватким, оборотистым) собеседником, он сетует, что его «зубов» хватает на одну черемшу или лук-порей, которую бедные англичане растили на

³⁵ *Гарди Т.* Тэсс из рода д’Эрбервиллей / пер. с англ. А. Кривцовой. М.: Гослитиздат, 1955. С. 92.

³⁶ Там же. С. 95.

своих огородах³⁷. Развивает он «огородную» тему и далее, когда говорит о характерах своей жены и собственном: «супружница» лирического героя, по его словам, сложена из «роз и кремня» (“flint and roses”), а сам он — из «овощей (*вариант пер.*: зелени, травы) и дерна» (“greens and sod”)³⁸. В этих словах Дэвидсон обыгрывает идею Адамова греха (он будет прямо упомянут чуть далее в тексте, в размышлениях клерка: «Не было Адама, за чей грех я несу ответ»³⁹) и в целом грехопадение человека, изгнанного из райского сада: «...со скорбью будешь питаться ты во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой...» (Быт. 3: 17-18), — а также общеправильное сравнение человека с травой (см.: Пс. 101: 5, 12): «Дни человека — как трава <...>. Пройдет над ним ветер — и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102: 15-16). В именовании “Suburban Park” явственно слышится слово “bean” («боб») — также пища бедного служащего, произрастающая в его огороде.

Получает огород и другие негативные коннотации: в упомянутой повести А. Мэжена «Осколок бытия» он противопоставляется «истинной», невозделанной природе; такой «садик» остается островком зелени в городе — «памятью о просторных лужайках, что некогда простирались, зеленые и душистые, там, где теперь угрюмые улицы свивались в свои безысходные лабиринты»⁴⁰.

В начале XX в. огород становится пространством, где разворачивается действие сказок о животных (animal tale). Среди них, в частности, произведение детской писательницы Беатрис Поттер (1866–1943) — «Сказка о кролике Питере» (“The Tale of Peter Rabbit”, 1902) и «Сказка о Бенджамине Банни» (“The Tale of Benjamin Bunny”, 1904). В обоих текстах огород становится опасным локусом для маленьких героев-крольчат, где они неоднократно сталкиваются с опасностями и едва не погибают. Библейский субстрат этих текстов был усилен в их переводах (вернее, поэтических переложениях), осуществленных П.С. Соловьевой (1914): здесь уже явственно подчеркнута мифологема огорода / сада⁴¹ как заветного локуса («Но из леса в сад людской / Запрещаю вам ходить», — говорит

³⁷ Davidson J. Ballads and Songs. L.: John Lane; Boston: Copeland & Day, 1894. P. 91.

³⁸ Ibid. P. 93.

³⁹ Ibid. P. 96

⁴⁰ Machen A. A Fragment of Life. P. 22.

⁴¹ Несмотря на то что пространство в русском переводе называется садом, совершенно очевидно, что имеется в виду огород: здесь растут главным образом овощи, которым лакомится герой, и даже садовник «вооружен» мотыгой или заступом — инструментами огородника.

сыновьям крольчиха Ватка), введен библейский мотив «преслушания» и запретного плода. Человек, в чьи владения попадают проказливые герои, представлен здесь как явный антагонист: он характеризуется как «садовник злой»; «с гадким заступом своим»⁴²; огород его, соответственно, явлен как демоническое пространство: «Где чернеет старый мост», «Ах, какой ужасный вид»⁴³ и проч. Как только Кроля попадает внутрь, огород становится для него темницей: «Да везде кругом ограда»⁴⁴, «Вот в стене глухая дверь»⁴⁵ и проч.

В XX в. английские огороды сохраняют свою прежнюю популярность. В 1918 г. появляется «Национальный союз держателей огородов» (“National Union of Allotment Holders”), в 1924-м г. — «Общество по устройению огородов» (“Allotment Organization Society”). Наконец, в 1930 г. было основано «Национальное общество огородников» (“National Allotment Society”), существующее и по сей день⁴⁶. Продолжается и юридическое осмысление этого пространства; так, согласно законам 1922 и 1950 гг., размер огорода не должен превышать «сорока полей» (от *англ.* *pole* — «разделительный столбик» или «шест», используемый при огораживании), т. е. 10 акров.

В годы Второй мировой войны (начиная с 1942 г.) на территории городских парков, рекреационных садов, а также усадеб и замков возникают так называемые «огороды победы» (“victory gardens”), где выращиваются овощи для фронта и тыла. К 1943 г. число таких огородов насчитывало 1,4 млн (как в городах, так в деревнях и усадьбах). В 1930–1940-х гг. по субботам по радио транслировались передачи Сесила Генри Миддлтона (1886–1945) «В родном саду» (“In your garden”, с 1931 г.) и «Копай для победы» (“Dig for Victory”, с 1939 г.); последние слова в годы Второй мировой стали одним из главных лозунгов английского тыла.

Начиная с 1960-х гг. возникла тенденция заменять термин “allotment” синонимом “pleasure garden” («сад удовольствий»), призванным очистить понятие «огород» от «плебейской» коннотации, сместить фокус с овощей на дары земли в целом — и повысить моду на садоводство (ср. аналогичную ситуацию с употреблением в постсоветском пространстве модного слова «хайкинг» вместо устаревшего, «нафталинового» аналога — «поход»).

⁴² Соловьева П. (*Allegro*). Приключения Кроли. СПб.: Тропинка, 1914. С. 22.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 21.

⁴⁶ См.: *Rusanov A.V.* *Dacha dwellers and Gardeners: Garden Plots and Second Houses in Europe and Russia // Population and Economics.* 2019. Vol. 3. № 1. P. 110.

Илл. 16. Морли. Плакат «Твой сад победы важен как никогда». 1945.
Британский музей

В XX в. мы уже не видим мощного развития мифологемы огорода (в отличие от мифологемы сада) в художественной литературе; тем не менее спорадически можно встретить образы, связанные с этим пространством. Огород нередко появляется в «ностальгической» усадебной литературе, например в цикле Герберта Эрнеста Бейтса (1905–1974) «Мой дядя Сайлас» (“My Uncle Silas”, 1939), по мотивам которого уже в конце века будет снят успешный мини-сериал (2001–2003). Огород становится образом семейного благополучия; в 1970-е гг. выходил телесериал «Добрые соседи» (“The Good Life” по сценарию Боба Ларби и Джона Эсмонта), в котором изображалась семья, сбежавшая от «городской жизни» и от экзистенциального кризиса, устроившая свой «полностью автономный» мир в лондонском пригороде. Проникает он и в детскую литературу: в 2013 г. увидела свет книга М.-Дж. Андерсона «Ненужная тыква: случай на огороде» (“The Pumpkin No One Wanted: An Allotment Garden Story”, 2013) — краткий и красочный рассказ для самых маленьких об устройстве огорода, трактуемого автором как микрокосмос с четкой структурой (каковым, в свою очередь, является и дворянская усадьба).

Как видим, на протяжении XIX–XXI вв. английские огороды играли важную экономическую, социальную и культурную роль, которая сохраняется и в наши дни. Образ огорода прочно инкорпорирован в английскую «усадебную культуру», в том числе и на метафорическом уровне,

что подтверждается перечнем присущих ему коннотаций. Он может быть понят как творческое пространство, место благодатной работы; как locus, где усиливается связь человека с землей (столь важная для усадебного мира); как «живая земля», противопоставленная «земле мертвой» — кладбищу; наконец, как место, постоянно напоминающее человеку о его грехопадении и о необходимости стремления ввысь и духовного роста. Дальнейшее исследование в этой области позволит выявить и менее очевидные, но, несомненно, существующие коннотации этой важнейшей составляющей английского усадебного мира.

Список литературы

Исследования

- 1 *Гришина Я.З.* Комментарии // *Пришвин М.М.* Дневники. 1942–1943. М.: РОССПЭН, 2012. С. 669–790.
- 2 *Рассказова Л.В.* Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен: на примере усадеб Пензенского края: дис. ... канд. культурологии. М., 1999. 261 с.
- 3 *Соколов М.Н.* Принцип рая: главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-традиция, 2011. 704 с.
- 4 Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М.: Фонд археологии, 1997. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. 408 с.
- 5 *Шуваева Е.Ю.* Формирование загородной усадебной застройки XVIII – начала XX в.: на примере Гатчинского района Ленинградской обл. // Вестник Белгородского гос. технологического ун-та им. В.Г. Шухова. 2019. № 12. С. 85–93.
- 6 *Caudwell Chr.* Studies in a Dying Culture. N. Y.; L.: Monthly Review Press, 1971. 228 p.
- 7 *Hall Th.H.* The Law of Allotments: Being a Treatise on the Law Relating to the Allotment of Land for the Labouring Poor. With the Statutes and Notes and a Collection of Forms and Precedents. L.: Longman's, Green & Co, 1886. 381 p.
- 8 *Hart E.J.* The Russian Dacha: The Importance of the Dacha Tradition in Russian's Local Food System. School for International Training, 2007. 82 p.
- 9 *Nilsen M.* The Working Man's Green Space: Allotment Gardens in England, France, and Germany, 1870–1919. Charlottesville (VA): University of Virginia Press, 2014. 248 p.

- 10 Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 18.01.2024).
- 11 *Rusanov A. V.* Dacha dwellers and Gardeners: Garden Plots and Second Houses in Europe and Russia // *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. № 1. P. 107–124.
- 12 *Wiles M.* The Gardens of the British Working Class. New Haven; L.: Yale University Press, 2014. 424 p.

Источники

- 13 *Гарди Т.* Тэсс из рода д'Эрбервиллей / пер. с англ. А. Кривцовой. М.: Гослитиздат, 1955. 424 с.
- 14 *Дизраэли Б.* Сибиλλα, или Две нации. М.: Ладомир: Наука, 2015. 840 с.
- 15 *Соловьева П. (Allegro).* Приключения Кроли. СПб.: Тропинка, 1914. 63 с.
- 16 *Besant W.* The Eulogy of Richard Jefferies. L.: Chatto & Windus, 1888. 384 p.
- 17 *Davidson J.* Ballads and Songs. L.: John Lane; Boston: Copeland & Day, 1894. 130 p.
- 18 *Grahame K.* Pagan Papers. L.: Elkin & Matthews; John Lane; Chicago: Stone & Kimball, 1894. 196 p.
- 19 *Jefferies R.* On Allotment Gardens // *The New Quarterly Review*. April–July 1875. Vol. IV. P. 1–32.
- 20 *Machen A.* A Fragment of Life (1904) // *Machen A.* The House of Souls. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1922. P. 3–110.
- 21 *The History of Lapland: Wherein are Shewed the Original, Manners, Habits, Marriages, Conjurations, & c. of that People / written by J. Scheffer, Professor of Law and Rhetoric at Upsal in Sweden.* Oxford: [s. n.], 1674. 147 p.